

ИСТОРИЯ НАУКИ

УДК 37 (2Р-6 КАР)

РОЛЬ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ИНСТИТУТОВ КАРЕЛИИ В РАЗВИТИИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК В 1930-е ГОДЫ

С. Н. Филимончик

Петрозаводский государственный университет

На материалах Карельского НИИ (1930–1937) и Карельского НИИ культуры (1937–1941) характеризуется процесс становления гуманитарных наук в республике в 1930-е гг. Проанализированы пути подготовки, квалификация, условия жизни научных сотрудников, их вклад в развитие образования и культуры. Охарактеризованы основные направления научных исследований в области истории, этнологии, фольклора, лингвистики. Показано влияние сталинизма на гуманитарную науку и роль науки в пропаганде сталинизма.

Ключевые слова: НИИ, история, фольклор, этнология, лингвистика, литературный язык, сказитель, научные исследования, идеология.

S. N. Filimontchik. ROLE OF SCIENTIFIC RESEARCH INSTITUTES IN KARELIA IN THE DEVELOPMENT OF THE HUMANITIES DURING THE 1930s

The process of establishment of the humanities in Republic of Karelia during the 1930s is described in the article basing on the data compiled by the Karelian Research Institute (1930–1937) and Karelian Culture Research Institute (1937–1941). The ways of training scientific staff, their qualifications, living conditions, their contribution to the development of education and culture are analyzed. The main directions of scientific research in the fields of history, ethnology, folklore, linguistics are characterized. The author shows the impact of Stalinism on the humanities and the role of science in the propaganda of Stalinism.

Key words: scientific research institutes, history, folklore, ethnology, linguistics, literary language, storyteller, scientific research, ideology.

Изучение истории гуманитарных исследований в Карелии в сталинское время имеет свою традицию. В первой половине 1930-х гг. дея-

тельность научных учреждений КАССР широко освещали советские периодические издания [Макарьев, 1931, 1932, 1935; Гюллинг, 1932;

Пальвад्रे, 1932]. В связи с репрессиями ряда исследователей и уничижительной критикой их трудов во второй половине 1930-х гг. изучение этих вопросов прекратилось. В послевоенное время основное внимание уделялось работе научных организаций, созданных после Великой Отечественной войны [Андриайнен, 1946; Горский, 1948; Наука..., 1948; Развитие науки..., 1970].

В 1980-е гг. развитие науки в сталинское время на материалах Карелии проанализировала А. И. Афанасьева [1989, 1990]. Важная роль первых научных учреждений в развитии образования и культуры КАССР подчеркнута в обобщающих работах 1990-х гг. [Ученые..., 1999; Академическая наука..., 2006]. Высокая оценка деятельности НИИ Карелии дана в монографии Т. Г. Ивановой [2009], посвященной истории отечественной фольклористики в 1900–1941 гг. Предметом научного анализа Е. В. Марковской [2006] стал фольклорный архив, формировавшийся в НИИ в 1930-е гг. Обстоятельная характеристика деятельности региональных ученых в 1930-е гг. содержится в исследованиях Ю. А. Савватеева, М. И. Шумилова, Г. Н. Богдановой, И. Ю. Винокуровой, И. Р. Такала, Н. А. Кораблева и др. [Шумилов, 1992; Савватеев, 1999, 2009б; Богданова, Винокурова, 2006; Кораблев, 2007]. Особенностью исследовательского подхода последних лет является стремление анализировать не только концепции и идеи 1930-х гг., определившие развитие советской науки в последующие десятилетия, но и специфику социально-культурного контекста, вызвавшего эти идеи к жизни, взаимовлияние науки и массового сознания, ученых и политиков.

Профессиональная наука в Карелии родилась в сложных условиях форсированной индустриализации. 24 сентября 1930 г. СНК КАССР принял постановление «Об организации Карельского научно-исследовательского (комплексного) института – КНИИ». Финансирование деятельности КНИИ было возложено на республиканский бюджет. В 1934 г. институту передано помещение в центре города. Определенной поддержкой ученых в период карточной системы являлось снабжение их продуктами по более высоким нормам индустриальных рабочих. Заработная плата исследователей выросла за 1930-е гг. со 150–280 руб. до 600–900 руб. в зависимости от стажа работы и наличия ученой степени. В 1940 г. средняя зарплата научных сотрудников в РСФСР превышала средний заработок промышленных рабочих и служащих в 1,4 раза, работников здравоохранения – в 1,9 раза [АКНЦ, ф. 1, оп. 48, д. 2, л. 2; оп. 3, д. 279,

л. 60, 62; д. 180, л. 17]. В то же время многие материальные проблемы сохраняли остроту. Тяжелыми были жилищные условия молодых специалистов, прибывавших на работу в Петрозаводск, скудным оставалось снабжение участников научных экспедиций. Несмотря на трудности, в середине 1930-х гг. в КНИИ сложился коллектив специалистов разного профиля. Если в 1931 г. в институте работало всего 10 сотрудников, то в 1935 г. – уже 109 [АКНЦ, ф. 1, оп. 48, д. 180, л. 17].

Первым директором КНИИ стал глава правительства Карелии Э. А. Гюллинг, выделявшийся среди региональной управленческой элиты высоким уровнем профессиональной подготовки в области экономики, опытом научно-исследовательской деятельности. Его заместителем был назначен директор Каргосмузея этнолог С. А. Макарьев. Из государственных структур пришел в КНИИ ученый секретарь В. В. Масленников, работавший в 1924–1930 гг. начальником административного отдела НКВД.

Руководство КНИИ привлекло к сотрудничеству известных ученых – директора Института языка и мышления И. И. Мещанинова, директора Музея антропологии и этнографии Н. М. Маторина, ведущего специалиста Института антропологии и этнографии СССР Е. Г. Кагарова, заведующего отделом Государственного Исторического музея А. Я. Брюсова, профессоров Ленинградского университета М. К. Азадовского, Д. В. Бубриха и др. Они выполняли экспертную, консультационную, редакторскую работу, направляли на работу в КНИИ своих талантливых учеников, руководили подготовкой аспирантов.

В то же время нельзя забывать, что в 1930-е гг. в Карелии находились репрессированные философы А. Ф. Лосев, А. А. Мейер, П. А. Флоренский, филологи Д. С. Лихачев, Н. Н. Дурново, историки Н. П. Анциферов, М. Д. Приселков, Б. А. Романов и много других представителей гуманитарной интеллигенции. В XIX в. попавшие в опалу интеллектуалы нередко получали в местах ссылки возможности для научного творчества и даже государственной службы. Создание для репрессированных гуманитариев бесчеловечных условий в 1930-е гг. является свидетельством не только жестокосердия власти: отлучение ученых от профессиональной деятельности в условиях острой нехватки научных кадров на Севере России противоречило государственным интересам.

Из бывших «зеков» удалось устроиться в КНИИ лишь Н. Н. Виноградову. На постоянную работу в Петрозаводск прибыл исследователь, получивший до революции хорошую гумани-

тарную подготовку в Петербургском и Московском университетах. Опыт фольклорной и этнографической деятельности Н. Н. Виноградов приобрел, работая в Русском музее, создав губернский музей в Костроме, а в заключении – музей Соловецкого общества краеведения. До революции Н. Н. Виноградов являлся членом ряда научных обществ, редактировал журналы «Живая старина» и «Записки отделения этнографии». В Костроме Виноградов в качестве помощника правителя канцелярии губернатора занимался устройством музея и сбором коллекций. В советское время Н. Н. Виноградов активно трудился в Костромском губернском отделе образования, совпартшколе, кооперации, региональной печати. Однако активная деятельность в канцелярии губернатора, видимо, не была забыта. Во время революции и Гражданской войны условия хранения и контроль за государственными музейными и архивными фондами ухудшились, что повсеместно вызвало рост хищений культурных ценностей. Когда в 1926 г. в личном собрании Виноградова были выявлены незаконно хранящиеся рукописи, книги, материальные предметы из библиотек, архивов, музеев, по решению Особого совещания при коллегии ОГПУ он был сослан на Соловки. По окончании срока уголовного наказания в феврале 1928 г. Н. Н. Виноградов работал на Соловках в качестве ученого секретаря Соловецкого общества краеведения вплоть до его ликвидации в 1932 г. [Марковская, 2007; Савватеев, 2009а].

На работу в КНИИ поступили преследуемые на родине финские политэмигранты – Ээро Хаапалайнен и Лаури Летонмяки. В юности они учились в Хельсинкском университете (Хаапалайнен – на юридическом, Летонмяки – на историко-филологическом факультете). Курса не завершили из-за того, что с головой ушли в общественную и политическую работу. Оба работали в социал-демократических изданиях, приобрели хороший журналистский и редакторский опыт. Во время революции 1918 г. Л. Летонмяки вошел в революционное правительство, был назначен наркомом юстиции. Э. Хаапалайнен в дни революции – уполномоченный революционного правительства по внутренним делам и главнокомандующий Красной гвардией. После поражения революции оба эмигрировали в Советскую Россию и были посланы в Карелию. Л. Летонмяки работал в редакции республиканской газеты «Пунайнен Карьяла» и издательстве «Кирия», преподавал в финском педтехникуме. Карьера Э. Хаапалайнена в Карелии поначалу не заладилась: из-за неукротимого нрава, нарушений дисциплины и пристра-

стия к спиртному в 1925 г. он исключен из РКП(б), отправлен «на исправление» в Ухту, где работал в уездном исполкоме, занимался журналистикой и преподаванием. В 1931 г. Э. Хаапалайнен был приглашен на работу в историко-революционную секцию КНИИ [Такала, 1996; Ученые..., 1999. С. 288]. Решающую роль сыграли его энергия, знания и большой политический опыт.

Большинство научных сотрудников КНИИ составляла молодежь 1902–1910 годов рождения. Несмотря на яркую индивидуальность многих молодых ученых в их судьбах можно вычлени общие контуры. Почти все молодые ученые были выходцами из крестьянских, рабочих, разночинских семей, и путь в науку им открыла революция. Заместитель директора КНИИ С. А. Макарьев вырос в крестьянской семье прионежских вепсов, руководитель этнографолингвистической секции А. Н. Нечаев – в семье крестьян Пудожского уезда. Детство В. И. Машезерского прошло в многодетной семье сельского учителя в Олонце. До революции многие будущие специалисты КНИИ успели получить лишь начальное образование. В. И. Машезерский в 1917 г. окончил городское училище в Олонце, в 1923 г. – педагогический техникум в Петрозаводске. А. Н. Нечаев в 1920 г. окончил Пудожское высшее начальное училище. В. Я. Евсеев в 1927 г. окончил школу-девятилетку в Петрозаводске. В. И. Пегов в 1928 г. окончил школу взрослых, работая столяром на заводе.

Большинство будущих исследователей имели опыт педагогической деятельности. В 1912–1926 гг. работал учителем в с. Ведлозеро будущий автор учебников для карельских школ Н. А. Анисимов. Оторвался от педагогики он только во время Первой мировой войны в связи с мобилизацией в действующую армию. Армейская закалка помогла Н. А. Анисимову продолжить работу с детьми в условиях послевоенной разрухи. В 1926 г. заведующий Ведлозерской школой первой ступени Н. А. Анисимов был выдвинут на должность инспектора Наркомпроса КАССР. Однако в первые годы нэпа закрепиться на педагогическом поприще было трудно из-за мизерных заработков учителей, поэтому молодежь покидала школу, спасаясь от нищеты. Прекрасно проявивший себя в учительском деле, Н. И. Богданов с 1922 г. работал продавцом, счетоводом в кооперации и леспромхозе. Заведовавший начальной школой А. Н. Нечаев перешел на работу в трест «Севзаплес», где стал сначала чернорабочим, затем варщиком целлюлозы. Одно время трудились рабочими на заводах В. И. Пегов, М. М. Хямяляйнен и др.

Вместе с тем талантливую молодежь не покидало желание учиться. Имея немалый жизненный опыт, окончили Педагогический институт имени Герцена В. И. Машезерский, М. М. Хямляйнен. Окончили три курса Ленинградского университета А. Н. Нечаев, В. Я. Евсеев. Некоторым получить образование помогли общественные организации. По путевке Череповецкого райкома комсомола поступил в Историко-архивный институт В. И. Пегов. По направлению профсоюза учился в Ленинградском университете С. А. Макарьев.

Уже во время учебы, в начале трудового пути многие приобщились к исследовательской деятельности, активно участвовали в научных экспедициях. В 1926 г. студент Ленинградского университета А. М. Линевский открыл петроглифы на скалах р. Выг, недалеко от побережья Белого моря, и начал активную исследовательскую работу по изучению наскальных изображений. В конце 1920-х гг. выпускник Ленинградского университета С. А. Макарьев организовал экспедицию по изучению материальной культуры, фольклора вепсов Шелтозерского района. Студенты географического факультета Ленинградского государственного университета под руководством С. Макарьева провели этнологическое обследование с. Шуя Прионежского района – записали рассказы старожилов, сделали зарисовки и фотографии. В 1927–1928 гг. хорошо зарекомендовал себя во время работы Северо-Западной этнологической экспедиции Г. Х. Богданов. В конце 1920-х гг. Г. Х. Богданов активно занимался изучением карельского языка. Его однофамилец Н. И. Богданов в 1931 г. возглавил созданную при Институте языка и мышления АН СССР группу учителей-вепсов, которая приступила к составлению школьных учебников на родном языке. В первой половине 1930-х гг. В. И. Машезерский преподавал в вечернем рабочем университете и Комвузе, являлся ответственным секретарем Каристпарта, а в 1936 г. был направлен на работу в КНИИ на должность ученого секретаря [Кораблев, 2007].

После революции прервалась традиция подготовки небольшого числа специалистов высшей квалификации из числа выпускников университетов, оставленных при кафедре для написания магистерской диссертации под руководством ведущих профессоров. Аспирантура, созданная в конце 1920-х гг., не могла сразу стать основной формой подготовки научных кадров, численность которых быстро росла. В этих условиях молодые исследователи региональных научных центров осваивали технологии исследовательской деятельности самостоятельно. Многие успешно справлялись с

трудностями, так как обладали качествами, необходимыми ученому – увлеченностью научным творчеством, упорством и целеустремленностью, высокой работоспособностью, хорошим образованием. Власть поддержала их горячее желание служить науке, и молодые исследователи стремились оправдать доверие.

В области истории основное внимание предполагалось уделить развитию революционного движения. В начале 1930-х гг. в условиях мирового экономического кризиса выросли надежды большевиков на революционный взрыв в Европе. В докладе Э. А. Гюллинга на Первой сессии КНИИ подчеркивалось, что экономический кризис на Западе переходит в кризис политический, доверие к капитализму у трудящихся падает. В этих условиях важнейшей задачей института Э. А. Гюлинг называл «показать те пути, по которым мы завоевали власть здесь на севере, чтобы эти пути стали ясными и для тех, кто еще за нашей границей и еще по этому пути не пошли, в первую очередь для финляндского пролетариата» [АКНЦ, ф. 1, оп. 3, д. 32, л. 56–59].

В июле 1931 г. по инициативе М. Горького ЦК ВКП(б) принял решение о написании многотомной «Истории Гражданской войны». В начале 1932 г. Секретариат Главной редакции опубликовал проспект издания. Задачей региональных научных центров стало всяческое содействие этому крупномасштабному проекту. В республике было принято решение о подготовке к изданию Истории Гражданской войны в Карелии на финском и русском языках. Совместно с Карельским областным бюро краеведения был составлен и частично опубликован библиографический указатель литературы по Гражданской войне [АКНЦ, ф. 1, оп. 3, д. 67, л. 6]. В 1932 г. выпущена книга очерков «Гражданская война в Карелии» на финском языке. Были составлены карты, освещающие ход боевых действий. На научном заседании исторической группы в январе 1937 г. обсуждалась периодизация Гражданской войны в Карелии. В. И. Машезерский в основу периодизации положил вехи вооруженной борьбы «красных» с интервентами из Финляндии и стран Антанты, а о социальном противостоянии в обществе говорил очень кратко. Тем не менее докладчик признал, что составной частью Гражданской войны являлись события на севере Карелии в 1921–1922 гг., когда «белофинны подняли в Ругозере восстание» [АКНЦ, ф. 1, оп. 3, д. 224, л. 3].

Важным направлением деятельности стало выявление источников. С. Макарьеву и Л. Летонмяки была поручена подготовка сборника документов по истории Гражданской войны.

В состав историко-революционной секции вошел историк-архивист Н. В. Хрисанфов, что позволило обеспечить связь ученых с Центральным Архивом Карелии [АКНЦ, ф. 1, оп. 1, д. 106, л. 8; оп. 3, д. 5, л. 44].

Большая работа проводилась по сбору воспоминаний. Уже в 1932 г. опубликованы 59 воспоминаний карельских партизан – активных защитников советской власти. Расположили воспоминания по географическому признаку – события под Петрозаводском, в Заонежье, у Олонца, в Беломорье и т. д. В разделе «Бандитизм в Карелии» освещались военные действия в КТК в 1921–1922 гг. К сбору воспоминаний привлекли фольклористов КНИИ. В 1932 г. А. М. Астахова и ее коллеги записали рассказы о Гражданской войне в районе Медвежьей Горы и Повенца. Частично была начата их публикация [Астахова, 1935]. Однако большая часть собранных материалов не увидела свет. Воспоминания содержали индивидуальное видение событий, не укладывающееся в идеологические клише. Например, мемуаристы рассказывали, что военному делу бойцов Карельского легиона обучали английские офицеры, а члены правительства Тоймикунта помогали бежавшим от «белых» большевикам [Дубровская, 2005, 2006]. Такие факты трудно было вписать в предложенные образцы, в качестве которых рассматривались концепции «Истории Гражданской войны», «Краткого курса ВКП(б)». Во второй половине 1930-х гг. написание воспоминаний было чревато для авторов политическими преследованиями. Так, в 1935–1937 гг. дискуссия в Каристпарте по поводу воспоминаний А. А. Копятевича переросла в составление доноса на автора воспоминаний в Комиссию партийного контроля [Терещенков, 2009. С. 78].

Особое внимание историко-революционная секция КНИИ уделила подготовке биографий активных участников революции и Гражданской войны. Был издан альбом с краткими биографиями красных партизан, их портретами, талантливо выполненными художником А. Кацеблиным. К сбору биографических материалов подключили местные парторганизации. Весной 1934 г. в районы Карелии были разосланы вопросники и инструкции, осенью с мест поступило 600 ответов. Редактирование полученных материалов вели А. М. Линеvский, В. И. Машезерский, Э. Хаапалайнен. Однако в условиях массовых чисток второй половины 1930-х гг. составление биографий заслуженных людей могло стать опасным для них. Профессор И. П. Лупанова в воспоминаниях о детстве рассказывает о нависшей над их семьей беде, когда Х. Дорошин обнаружил в списках петрозаводских

кадетов фамилию ее матери и немедленно сообщил об этом «куда следует» [Лупанова, 2007. С. 85].

В 1930-е гг. правящая партия взяла на вооружение новую идеологическую концепцию, в которой основной упор делается не на мировую революцию, а на национально-патриотические идеи, защиту государственных и геополитических интересов России. В центре внимания ученых оказались вопросы укрепления государственности, опыт советского строительства. В то же время идеологический контроль за освещением этих тем резко усилился. В 1934 г. В. И. Машезерский подготовил хронику революционных событий в Карелии в 1917–1918 гг., в которую включил сведения как о работе большевиков, так и о деятельности кадетских, эсеровских организаций, о политической работе в крае депутатов Учредительного собрания после его роспуска и др. [Машезерский, 1934]. Однако эта работа была подвергнута резкой критике партийных органов. В 1935 г. бюро обкома ВКП(б) объявило В. И. Машезерскому выговор «за политическую близорукость», проявленную при подготовке хроники [НАРК, ф. 690, оп. 13, д. 14/859, л. 1–2]. Журнал «Советская Карелия», в котором была помещена хроника, по требованию Главлита КАССР был конфискован и изъят из библиотечной сети [НАРК, ф. 757, оп. 1, д. 2/4, л. 49]. В план работы исторической группы КНИИ на 1939 г. вошла подготовка очерка «Переход власти в руки Советов в Карелии», однако публикация этой работы до начала войны не состоялась.

Опубликованная в 1939 г. статья Х. Дорошина о перипетиях политической борьбы в крае в 1917 г. была чрезмерно политизирована. В центре внимания автора оказалась деятельность Олонецкого губернского Совета в 1917 – начале 1918 г. Дорошин резко критикует действия меньшевиков и эсеров в Петрозаводске, называет их политическую платформу «изменой родине». Даже стремление умеренных социалистов к совместным действиям с большевиками характеризуется автором как «уловка предателей». Заявлению совета 27 октября 1917 г. о переходе к нему власти автор статьи не придает значения, считая, что «весь прежний контрреволюционный аппарат» остался в полной неприкосновенности [Дорошин, 1939]. Такого рода научная продукция говорила о готовности ряда исследователей выполнять политический заказ власти – обосновать правильность курса руководящей верхушки правящей партии, необходимость преследования «врагов народа».

Одним из новых направлений работы историков 1930-х гг. стало изучение политической

ссылки. В КНИИ эту работу активно вел Н. Н. Виноградов. Он основательно изучил фонд канцелярии Олонецкого губернатора, составил картотеку ссыльных, начал подготовку биографического словаря «Политические ссыльные в Карелии». Перу Н. Н. Виноградова принадлежат исследовательские работы о политссыльных Г. Л. Андрузском и П. Н. Рыбникове [Савватеев, 2009а].

Ученые Карелии откликнулись на призыв М. Горького создать историю фабрик и заводов. Сотрудники историко-революционной секции начали сбор материалов о старых промышленных предприятиях края – Онежском механическом, Соломенском, Кемском лесопильных заводах и о первенце советской индустриализации – Петрозаводской лыжной фабрике. В этой работе ученые тесно сотрудничали с трудовыми коллективами предприятий: записывали воспоминания ветеранов, обсуждали в рабочих коллективах подготовленные разделы. Предпринимались попытки изучения истории первых коллективных хозяйств в Карелии и России, в создании которых участвовали финские эмигранты, – коммун «Сеятель» и «Луч». В основном собранные материалы по новейшей истории предприятий остались в рукописях. Опубликовать удалось только исследование С. М. Левидовой по истории Онежского завода в дореформенный период [Левидова, 1938].

Главной задачей этнографо-лингвистической секции стало изучение традиционной культуры народов Карелии. В начале 1930-х гг. большое внимание уделялось вепсам: изучалась их материальная культура, обсуждался вопрос о разработке вепсского литературного языка, исследовалась топонимия Прионежья. Важное значение имели совместные фольклорные экспедиции КНИИ и Института по изучению народов СССР. Зимой 1931 и летом 1932 гг. состоялись научные командировки в Заонежье ленинградских студентов М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпкиной. Они записывали былины, духовные стихи, частушки политического содержания. Летом 1932 г. А. М. Астахова, И. В. Карнаухова, С. С. Писарев, А. Н. Нечаев вели экспедиционную работу в Беломорском крае [Иванова, 2009. С. 546–554]. Одна из самых крупных экспедиций под руководством А. М. Астаховой состоялась в 1933 г. Непросто было организовать работу исследователей в условиях бездорожья и скудного питания. Так, в Ковде, где экспедиция пробыла 8 дней, удалось получить только хлеб и немного сахара. Тем не менее в этом селе ученые записали около 450 песен и сказок, сделали десятки фонозаписей и фотографий, собрали воспоминания о Гражданской

войне на Севере [АКНЦ, ф. 1, оп. 39, д. 68, л. 10–210]. Во время этой экспедиции на одном из рыбацких становищ фольклорист А. Н. Нечаев познакомился с крестьянином села Кереть М. М. Коргуевым и записал от него 93 самобытных, высокохудожественных произведения. Двухтомное собрание сказок М. М. Коргуева, изданное в Петрозаводске в 1939 г., получило высокую оценку специалистов [Сенькина, 1978, 1988; Криничная, 1988].

В июле 1936 г. КНИИ и Институт антропологии, археологии и этнографии АН СССР организовал фольклорную экспедицию под руководством П. Г. Ширяевой в Олонецкий район. В научный оборот было введено устное творчество карельского и русского населения южных районов республики, прежде практически неизвестное. В собирании и изучении фольклора южной Карелии важную роль сыграл В. Я. Евсеев [АКНЦ, ф. 1, оп. 3, д. 5, л. 25–52].

В 1935 г. этнографо-лингвистическая секция стала одним из организаторов празднования в Карелии 100-летия первого издания карело-финского народного эпоса «Калевала». К юбилею впервые в СССР была издана «Калевала» на финском языке. В дни празднования состоялись торжественные заседания, лекции и доклады, выставки различных изданий «Калевалы», выступления рунопевцев и кантелистов [АКНЦ, ф. 1, оп. 3, д. 141, л. 7; д. 175, л. 7–11]. Юбилей способствовал знакомству с эпосом широких слоев населения Карелии и всей страны, активизировал научные исследования «Калевалы». Выявились различия у советских и финских исследователей в подходах к происхождению «Калевалы». Выступая на юбилейных торжествах в Петрозаводске, профессор Е. Г. Кагаров подверг критике концепции о заимствовании карелами рун из Финляндии, о древнегерманских корнях рунических мотивов, об отражении в них преимущественно феодальных отношений. В то же время стремление всячески отмежеваться от «буржуазной науки», проявившееся в ходе дискуссии о «Калевале», свидетельствовало об идеологизации и политизации научной жизни [Иванова, 2009. С. 523–524].

В ходе фольклорных экспедиций впервые были записаны на фонограф и стали активно изучаться музыкальные произведения карелов и вепсов. Большую роль в собирании песенного наследия народов Карелии в 1930-е гг. сыграли Всекарельские художественные олимпиады в Петрозаводске. Во время декады карельского искусства в Ленинграде весной 1937 г. много песен было записано от участников хора колхозниц Петровского района под управлением И. И. Левкина и Шелтозерского вепсского

хора под управлением В. И. Кононова. Е. В. Гиппиус, З. В. Эвальд, Н. Н. Леви, В. П. Гудков подготовили к изданию сборник русских, карельских, вепсских песен [АКНЦ, ф. 1, оп. 39, д. 68, л. 10–210]. Подвижнически трудился, возрождая, совершенствуя народный инструмент кантеле, научный сотрудник КНИИ В. П. Гудков. В 1933 г. по его инициативе создан первый самостоятельный кантеле-оркестр, на базе которого в 1937 г. возник государственный ансамбль песни и танца «Кантеле» [Савватеев, 2009б. С. 41–42].

А. М. Линевский [1939, 1940] вел активную исследовательскую работу по изучению петроглифов. В 1934 г. в целях сохранения этих уникальных памятников по поручению СНК КАССР этнографо-лингвистическая секция организовала в Пудожском районе заповедник Бесовос. В середине 1930-х гг. изучение петроглифов начал В. И. Равдоникас. Ему удалось обнаружить немало новых памятников. Сенсационным стало открытие большого, необычайно выразительного скопления на Залавруге. Все изображения были скопированы и опубликованы, что создало базу для их всестороннего научного изучения.

Искусственно противопоставляя науку и религию, власти стремились использовать авторитет ученых для дискредитации церкви. На первой районной конференции Союза воинствующих безбожников в Петрозаводске в мае 1932 г. в речах ораторов муссировалась идея о духовенстве как верных слугах буржуазии, особенно опасными назывались христианские призывы «люби врага», «все люди братья». Следует отметить, что в этих условиях выступления ученых КНИИ, в обязательном порядке «по должности» участвовавших в антирелигиозных кампаниях, отличались, как правило, сдержанностью. Выступая перед активистами Общества воинствующих безбожников, Г. А. Никитин подчеркивал, что нужно не только бороться с религией, но и изучать ее [НАРК, ф. 718, оп. 1, д. 13/161, л. 14–15]. В 1930-е гг. большое внимание ученые уделили исследованию оппозиционных официальной церкви религиозных течений и язычества. А. Н. Никитина проследила развитие старообрядчества в Олонецком крае, подчеркивая в этом движении антифеодальный протест. На основе экспедиционных наблюдений 1932 г. в Сорокском районе А. Н. Никитина описала один из центров старообрядчества – Пертозерский скит, упомянула о деятельности странников в Нюхче. Автор приходит к выводу, что хотя Октябрьская революция нанесла старообрядчеству решительный удар, на Севере Карелии его традиции еще устойчивы. Активно используя

материалы периодических епархиальных изданий, А. Н. Никитина на основе классового подхода охарактеризовала борьбу православной церкви и лютеранства за влияние в Карелии в начале XX в. [АКНЦ, ф. 1, оп. 32, д. 17, л. 1–81].

В рукописи А. М. Линева «Христианизация Карелии» (1934) содержится научно-популярное изложение истории монастырской колонизации и старообрядчества в Карелии. Автор детально описывает борьбу со старообрядцами первых олонецких епископов Игнатия (Семенова), Аркадия (Федорова), показывает важную роль церковно-приходских школ в пропаганде христианских ценностей [АКНЦ, ф. 1, оп. 32, д. 10, л. 1–107].

В 1931–1935 гг. в составе института действовало Бюро краеведения (председатель – С. А. Макарьев, ответственный секретарь – Г. А. Никитин). Бюро координировало работу десятков краеведческих ячеек на местах, проводило месячники краеведения, выпускало краеведческую радиогазету, представляло краеведческие заметки в журналы и газеты. Наиболее крупными изданиями, в подготовке которых участвовало Бюро краеведения, стали сборники «Вопросы краеведения в Карелии» (1931), «Краеведение в Карелии на новом этапе» (1933). Сотрудники КНИИ стремились установить прочные связи с энтузиастами изучения родного края на местах. В КНИИ поступила коллекция детского фольклора, собранная учительницей Середкинской начальной школы Кижского сельсовета Е. В. Ржановской. Коллекцию поморских причитаний, заговоров, духовных стихов, песен, частушек передал институту краевед из Сумпосада И. М. Дуров [Лойтер, 1989. С. 143; 1991. С. 149; 2001; 2008. С. 6]. От семьи пудожского учителя В. Ф. Стратонникова поступили в институт записи частушек и плачей. Согласно постановлению Президиума КарЦИК 1 января 1935 г. Карельское бюро краеведения было реорганизовано в Общество изучения Карелии, работавшее до 1937 г. [АКНЦ, ф. 1, оп. 3, д. 190, л. 67–70].

КНИИ развернул работу по подготовке многотомной региональной энциклопедии на русском (4 тома) и финском (8 томов) языках. В 1934 г. это начинание поддержало правительство Карелии. Была разработана концепция издания, подготовлен указатель словарных статей, заключены договоры с авторами, написаны несколько тысяч статей. Однако в условиях «смены власти» в Карелии осуществить этот масштабный проект не удалось.

В середине 1930-х гг. «финское руководство» Карелии обвинили в ориентации на Финляндию. Эмигрантов стали бездоказательно обви-

нять в шпионаже. Были арестованы и вскоре расстреляны бывший директор КНИИ Э. А. Гюлинг, заместитель директора С. А. Макарьев, ведущие специалисты-историки Э. А. Хаапалайнен, Н. В. Хрисанфов, Н. Н. Виноградов, заведующая институтской библиотекой Е. П. Ошевенская. Арестам и тюремному наказанию подвергся также ряд служащих КНИИ. Покончил с собой, не выдержав травли, Л. Летонмяки. Опасаясь ареста, покинули Петрозаводск А. Н. Нечаев, Н. Н. Ильин, А. И. Горбков. Формально они уволились по собственному желанию, фактически – бежали от начавшейся травли в связи с «чуждым социальным происхождением», «связью с врагами народа». В печати появились разгромные критические статьи, а то и публичные доносы на вчерашних товарищей, подвергшиеся опале оказались в социальном вакууме, рассчитывать на помощь коллег не приходилось [АКНЦ, ф. 1, оп. 48, л. 23, 51, 60, 67, 71, 82].

В январе 1937 г. Карельский комплексный НИИ был реорганизован в Карельский научно-исследовательский институт культуры (КНИИК), за которым сохранялось только гуманитарное направление. КНИИК должен был вести научные исследования в области лингвистики, истории, фольклора, этнографии, археологии [АКНЦ, ф. 1, оп. 3, д. 221, л. 99]. После «ежовщины» институт не имел директора, его заместителей, не были укомплектованы научными сотрудниками подразделения. В начале 1939 г. в КНИИК не было ни одного специалиста, имевшего ученую степень, из 18 научных сотрудников только 8 имели высшее образование [АКНЦ, ф. 1, оп. 3, д. 253, л. 5]. 17 ноября 1938 г. вышло постановление правительства, запрещающее «массовые операции по арестам и выселению», осуждавшее «нарушения законности». В изменившихся политических условиях в декабре 1938 г. исполняющим обязанности директора КНИИК был назначен В. И. Машезерский. Прежде местные власти вынуждали его постоянно оправдываться: в 1919 г. кандидат на высокую должность, будучи 17-летним подростком, после нескольких ночных нарядов так устал, что проспал отход своей части, оказался в занятом противником Олонце и неделю караулил склад белых [НАРК, ф. 690, оп. 13, д. 14/859, л. 5]. Теперь намного важнее нелепых обвинений в «отсутствии пролетарской закалки» были организаторские способности и исследовательский опыт ученого.

В конце 1930-х гг. на работу в КНИИК вновь стремились привлечь молодежь – студентов и выпускников ленинградских вузов. Среди откликнувшихся на призыв карельского руководства были филологи А. Д. Соймонов, В. В. Чис-

тов, К. В. Чистов, Н. И. Богданов, М. М. Михайлов. В конце 1930-х гг. изучение художественных карельских промыслов начал художник Г. А. Стронк. Молодежь активно включилась в экспедиционную и исследовательскую деятельность. В 1938–1939 гг. КНИИК провел 11 фольклорных экспедиций – в основном в карельские районы, где были записаны тысячи ранее неизвестных науке произведений устной народной поэзии финно-угорских и русского народов. Экспедиционный материал 1938–1941 гг. составил основу фольклорного архива КНИИК.

Проводилась большая работа по изучению творчества отдельных сказителей – П. И. Рябинина-Андреева, Ф. А. Конашкова, М. М. Коргуева, Ф. П. Господарева, Т. Е. Туруева, Ф. Н. Свинына, Ф. И. Быковой и др. Прожившие трудную жизнь крестьяне, попав в поле зрения ученых, в одночасье стали знаменитыми, получили почет и уважение. Сказочников и былинщиков приглашали на слеты и совещания, материалы о них широко публиковала печать. В 1939 г. группа карельских сказителей была награждена орденами «Знак почета». Власти стремились использовать талант известных мастеров в пропагандистской работе.

Основное внимание в это время стали уделять сбору «советского» фольклора: рассказам о революции и Гражданской войне, песням, частушкам, пословицам о колхозном строительстве, устной поэзии рабочего класса. Исследователи записывали плачи о Ленине и Кирове, о замученных белыми красноармейцах, о летчиках, погибших при катастрофе советского дирижабля «СССР Б-6», былины о Чапаеве, о подвиге челюскинцев и папанинцев, сказы о Тойво Антикайнене. Фольклористы не только фиксировали произведения «советского» фольклора, но и стремились «организовать» сказителей на создание произведений о советской жизни и новых героях. В Петрозаводске были изданы сборники «Сказы и плачи о Ленине» (1938), «Сказания о героях Арктики» (1938).

В конце 1930-х гг. под грифом КНИИК в Петрозаводске опубликован ряд важных фольклорных источников: сборник былин П. И. Рябинина-Андреева (1940), сборник «Русские плачи Карелии» (1940), сборник «Былины Пудожского края» (1941) и др. В то же время далеко не все подготовленные к изданию работы доходили до читателя. Профессор Ленинградского университета В. Я. Пропп представил к публикации в Петрозаводске свою докторскую диссертацию «Исторические корни волшебной сказки», успешно защищенную в июне 1939 г. на филфаке ЛГУ. Институт впервые передал в Госиздат Карелии монографическое исследование по

фольклору, однако издательство отказалось печатать книгу выдающего ученого России «по мотивам неактуальности» [АКНЦ, ф. 1, оп. 3, д. 279, л. 25–28]. Для чиновников, принимавших решение о публикации, решающую роль сыграло то обстоятельство, что труды В. Я. Проппа во время идеологических проработок 1930-х гг. резко критиковались за «формализм». Монография «Исторические корни волшебной сказки» впервые будет опубликована в Ленинграде в 1946 г.

В сложнейших условиях массовых репрессий в Карелии впервые развернулась широко-масштабная работа по созданию единого литературного карельского языка. Особенно важную роль в этой работе сыграл профессор Д. В. Бубрих [Бубрих, 1992; Клементьев, 2008]. Он подготовил Программу по собиранию материала для диалектического атласа карельского языка, включавшую до двух тысяч вопросов по фонетике, морфологии и лексике карельского языка. Научные сотрудники Карельского НИИ культуры, преподаватели Карельского педагогического института, учителя сельских школ, студенты обследовали по этой программе 150 населенных пунктов. На основе собранного материала ученые составили более 200 диалектологических карт, определили территорию диалектов и наиболее характерные особенности каждого из них. Д. В. Бубрих начал уникальный в практике языкового строительства эксперимент, когда в основу письменного литературного языка был положен не один диалект, а в единую систему сводились ведущие черты всех диалектов. В январе 1938 г. Д. В. Бубрих был арестован. В этих условиях основную работу по изучению карельского языка взяли на себя карельские ученые М. Хямляйнен, Н. Анисимов и др. Приоритетным направлением научной работы КНИИК на 1939 г. правительство Карелии признало подготовку учебников карельского языка, русско-карельских и карельско-русских словарей. На заседании СНК КАССР 7 июля 1939 г. были утверждены правила правописания карельского литературного языка. В 1939 г. все ученики 1–4 классов и большинство учеников 5–7 классов карельских школ были переведены на обучение на карельском языке. Были изданы необходимые учебники, в том числе подготовленные Н. А. Анисимовым букварь карельского языка, учебник грамматики. В июне 1939 г. учебник морфологии карельского языка для средних школ Н. А. Анисимова обсуждался на заседании кабинета финно-угорских народов Института языка и мышления в Ленинграде и получил положительную оценку специалистов. За плодотворную деятельность по развитию ка-

рельского литературного языка Н. А. Анисимов был награжден грамотой Верховного Совета республики [АКНЦ, ф. 1, оп. 38, д. 216, л. 1–29; д. 217, л. 9; д. 220, л. 33; ф. 2, оп. 35, д. 67, л. 1, 3, 11, 17].

После советско-финляндской войны была создана Карело-Финская ССР, и финский язык вновь стал широко использоваться в образовании и культуре. Работа по созданию карельской письменности была брошена на полпути по политическим мотивам.

В конце 1930-х гг. на работу в Карельский НИИ культуры были приглашены опытные исследователи из Москвы и Ленинграда. Ими были подготовлены первые монографические исследования, посвященные истории Карелии. Основное внимание стало уделяться изучению древней и средневековой Карелии. Успешно работал в этом направлении московский историк С. С. Гадзяцкий, первые исследования которого вызвали положительную оценку академика С. Б. Веселовского, профессора М. Н. Тихомирова. Большой вклад в освещение древнейшего периода истории Карелии внес московский археолог А. Я. Брюсов, автор книги «История древней Карелии» [М., 1940].

В ряде случаев работа в КНИИК становилась для ученых возможностью продолжить профессиональную деятельность после периода опалы. С 1938 г. являлась сотрудником КНИИК Р. Б. Мюллер – выпускница Бестужевских курсов, а в советское время – Петроградского университета. В университете Р. Б. Мюллер в течение ряда лет была секретарем семинара С. Ф. Платонова по истории Смутного времени. Она постоянно общалась с руководителем семинара, неоднократно бывала в его доме и считала С. Ф. Платонова своим учителем. В 1920-е гг. Р. Б. Мюллер несколько лет проработала в Постоянной историко-археологической комиссии, где под руководством А. И. Андреева занималась разбором и описанием монастырских документов XVI в. и получила основательную подготовку как археограф, но после «академического дела» вынуждена была оставить эту работу. В конце 1930-х гг. Р. Б. Мюллер подготовлен сборник документов «Карельская деревня в XVII веке». В него вошли документы архива Олонецкой приказной избы, хранящиеся в ЛОИИ, а также документы Государственного архива феодально-крепостнической эпохи. Судьба этих книг оказалась трагической. В блокаду Ленинграда погиб почти весь тираж, однако вскоре после войны документы были вновь опубликованы.

В предвоенные годы Р. Б. Мюллер подготовила монографию по истории Карелии XVI – XVII вв., изданную после войны [Мюллер, 1947].

В ней исследователь подчеркивала хозяйственное и культурно-организующее значение церкви на севере. Р. Б. Мюллер стала одним из первых в советское время исследователей «гарей» крестьян Шунгского и Толвуйского погостов и Повенецкого ряда в Палеостровском монастыре в 1687 и 1689 гг. Исследование религиозного сознания было затруднено по идеологическим причинам. Тем не менее Р. Б. Мюллер подчеркивала стремление людей сохранить привычный, устоявшийся уклад жизни, свойственный крестьянскому миру. Р. Б. Мюллер указывает, что в период церковной реформы Никона усилились настроения, связанные с ожиданием «конца мира», вера в то, что Господь отступился от прежде богоизбранной Руси как хранительницы истинного православия. Усиление внимания ученых к истории церкви определенным образом свидетельствовало о том, что в конце 1930-х гг. в условиях приближения войны, роста внимания к патриотическому воспитанию государство не исключало поворота от конфронтации к сотрудничеству с церковью. С другой стороны, ученые содействовали этому повороту, подчеркивая роль религии в освоении и защите русских земель, сохранении национальной идентичности, культурной традиции и преемственности.

Таким образом, в 1930-е гг. в Карелии шел сложный процесс профессионализации гуманитарных наук. В трудных условиях индустриализации государство финансировало работу научно-исследовательских институтов, материально поддерживало развитие ряда новых научных направлений, содействовало формированию в регионе новой социальной группы – научных сотрудников. Была апробирована организация научной деятельности на основе ее перспективного планирования и коллективной работы над актуальными темами. Большую помощь в подготовке научных кадров оказали Карелии научные учреждения, ведущие ученые Ленинграда и Москвы. Развернулась широкая экспедиционная и исследовательская деятельность по изучению традиционной культуры народов Карелии, впервые велась работа по созданию литературных языков карелов и вепсов. Были выявлены и изучены ценные памятники материальной культуры древней Карелии, подготовлены к публикации важные документы центральных архивохранилищ по истории Средневековья, сделаны первые шаги в изучении опыта социалистического строительства. Научные исследования в гуманитарной сфере содействовали сохранению преемственности в культуре, росту образовательного уровня населения, воспитанию патриотизма. Большой урон

нанесли региональной науке сталинские репрессии. Спецификой Карелии стало то, что репрессии были направлены прежде всего против финской интеллигенции, составлявшей республиканскую элиту в 1920 – начале 1930-х гг., и отразили изменения в государственной идеологии и внешней политике сталинского руководства. Преследования ученых, запреты на публикацию научных сочинений вели к стагнации ряда научных направлений, насаждению страха и административного диктата. В то же время, несмотря на жесткий идеологический контроль, в научном творчестве ведущих исследователей Карелии проявлялась известная автономия, свобода духа и профессионализм.

Литература

Академическая наука в Карелии. 1946–2006. М.: Наука, 2006. Т. 1. 173 с.

Андриайнен А. И. Научная работа Института истории, языка и литературы Карело-Финской базы Академии наук СССР в 1946 г. // *Вопросы истории.* 1946. № 11–12. С. 177–178.

Астахова А. М. За Советскую Карелию // *Начало.* 1935. № 3. С. 33–37.

Афанасьева А. И. Культурные преобразования в Советской Карелии. 1928–1940. Петрозаводск: Карелия, 1989. 277 с.

Афанасьева А. И. Культурная революция в Карельской АССР (1918–1940 гг.): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Л.: [Б. и.], 1990. 33 с.

Богданова Г. Н., Винокурова И. Ю. Николай Иванович Богданов: человек и ученый (к 100-летию со дня рождения Н. И. Богданова) // *Современная наука о вепсах: достижения и перспективы.* Петрозаводск, 2006. С. 35–74.

Бубрих Д. В. К 100-летию со дня рождения: Сб. ст. СПб.: Наука, 1992. 128 с.

Горский И. И. Карело-Финская научно-исследовательская база Академии наук СССР – научный центр республики // *Известия Карело-Финской научно-исследовательской базы АН СССР.* 1948. № 3. С. 12–22.

Гюллинг Э. А. Социалистическое строительство и научно-исследовательская работа в Карелии // *Карело-Мурманский край.* 1932. № 3–4. С. 6–8.

Дорошин Х. Большевики Карелии в борьбе за революционные Советы // *Карелия: Альманах.* Кн. 2. Петрозаводск, 1939. С. 135–155.

Дубровская Е. Ю. Судьбы приграничья в «Рассказах о Гражданской войне в Карелии» (по материалам Архива КарНЦ РАН) // *Межкультурное взаимодействие в полиэтничном пространстве пограничного региона.* Петрозаводск, 2005. С. 102–106.

Дубровская Е. Ю. Судьбы жителей Водлозерья в «рассказах о Гражданской войне в Карелии» // *Водлозерские чтения: Естественнонаучные и гуманитарные основы природоохранной, научной и просветительской деятельности на охраняемых природных территориях Русского Севера.* Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 2006. С. 234–235.

Иванова Т. Г. История русской фольклористики XX века. 1900 – первая половина 1941 гг. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 799 с.

Клементьев Е. И. Карели: историко-этнографический очерк. Петрозаводск: Периодика, 2008. 243 с.

Кораблев Н. А. В. И. Машезерский – историк карельского края // Краевед: Сб. ст. Петрозаводск, 2007. С. 120–121.

Криничная Н. А. Сын моря и сказки // Серебряный корабль. Сказки Матвея Коргуева. Петрозаводск, 1988. С. 5–20.

Левидова С. М. История Онежского (бывшего Александровского) завода. Вып. 1. Завод в крепостную эпоху. Петрозаводск: КНИИК, 1938. 136 с.

Линевский А. М. Петроглифы Карелии. Петрозаводск: Каргосиздат, 1939. 194 с.

Линевский А. М. Очерки по истории древней Карелии. Петрозаводск: Госиздат КФСР, 1940. 130 с.

Лойтер С. М. Из истории собирания детского фольклора Карелии (учитель-краевед Е. В. Ржановская) // Проблемы детской литературы. Петрозаводск: ПГУ, 1989. С. 134–146.

Лойтер С. М. Е. В. Ржановская – собиратель русского фольклора Карелии // Фольклористика Карелии. Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 1991. С. 140–155.

Лойтер С. М. Краевед И. М. Дуров – собиратель детского фольклора Карелии // Проблемы детской литературы и фольклор. Петрозаводск, 2001. С. 202–209.

Лойтер С. М. Фольклорное краеведение Карелии: жизнь и судьба И. М. Дурова // Краеведческие чтения. Петрозаводск, 2008. С. 3–7.

Лупанова И. П. «Минувшее проходит предо мною...». Петрозаводск: ПетрГУ, 2007. 313 с.

Макарьев С. А. Наука – на службу социалистическому строительству // Советская Карелия. 1931. № 8–10. С. 23–25.

Макарьев С. А. К I сессии Карельского научно-исследовательского института // Советская этнография. 1932. № 1. С. 110–111.

Макарьев С. А. Научно-исследовательская работа в Карелии // Карело-Мурманский край. 1935. № 5–6. С. 58–60.

Марковская Е. В. Проблемы собирания, систематизации и архивного хранения фольклора (на материале фольклорных архивов КарНЦ РАН): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск: [Б. и.], 2006. 17 с.

Марковская Е. В. Николай Николаевич Виноградов как сотрудник Карельского научно-исследовательского института (1932–1937) // Рябининские чтения-2007: Материалы V науч. конф. по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2007. С. 353–355.

Машезерский В. И. От Февраля к Октябрю. Выдержки из хроники революционного движения 1917–1918 гг. по Карелии // Советская Карелия. 1934. № 7–8. С. 79–94.

Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии XVI – XVII вв. Петрозаводск: Госиздат КФСР, 1947. 176 с.

Наука в Карело-Финской ССР за 30 лет Советской власти. Петрозаводск: Изд-во Карело-Фин. науч.-исслед. базы АН СССР, 1948. 160 с.

Пальвадре М. Первая сессия Карельского научно-исследовательского института // Советская этнография. 1932. № 3. С. 90–91.

Развитие науки в Карелии за 50 лет Советской власти. Петрозаводск: [Б. и.], 1970. 319 с.

Савватеев Ю. А. Степан Андреевич Макарьев. Жизнь и деятельность // Вепсы: История, культура и межэтнические контакты. Петрозаводск: ПетрГУ, 1999. С. 15–35.

Савватеев Ю. А. Н. Н. Виноградов. Человек дела (Кострома – С-Петербург – Москва – Соловки – Петрозаводск) // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2009а. № 3. [Электронный журнал] / Режим доступа: <http://www.hcrncr.com/contacts.html>.

Савватеев Ю. А. Страницы культурно-музыкальной жизни Карелии 30-х годов XX века // Ученые записки Петрозаводского гос. ун-та. Серия Общественные и гуманитарные науки. 2009б. № 6. С. 38–44.

Сенькина Т. И. Сказочник М. М. Коргуев // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1978. С. 130–135.

Сенькина Т. И. Русская сказка Карелии. Петрозаводск: Карелия, 1988. 144 с.

Такала И. Р. Ээро Хаапалайнен – революционер, журналист, ученый (к 115-й годовщине со дня рождения) // Политическая история и историография: Сб. ст. Петрозаводск, 1996. С. 187–193.

Терещенков Л. Е. Публичный донос 30-х гг. как способ конструирования «истинно советской и большевистской» биографии // Конструируя «советское»? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности. СПб., 2009. С. 76–80.

Труд в СССР: Стат. сб. М., 1988. С. 158.

Ученые Карельского научного центра РАН: Биографический словарь. Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 1999. 306 с.

Шумилов М. И. Октябрь, интервенция и Гражданская война на Европейском Севере России: Историографический очерк. Петрозаводск: ПетрГУ, 1992. 95 с.

Архивные источники

Национальный Архив Республики Карелия
(далее – НАРК)

Отчет КНИИ о работе за 1932 год. 8 апреля 1933 // НАРК, ф. 630, оп. 1, д. 64/528.

Протокол первой районной конференции Союза воинствующих безбожников в Петрозаводске 27 мая 1932 // НАРК, ф. 718, оп. 1, д. 13/161.

Сведения об изданиях, конфискованных Главлитом КАССР с января 1934 г. по апрель 1935 г. // НАРК, ф. 757, оп. 1, д. 2/4.

Машезерский В. И. Автобиография // НАРК, ф. 690, оп. 13, д. 14/85.

Научный Архив Карельского научного центра РАН
(далее – АКНЦ)

Постановление СНК КАССР «О Реорганизации КНИИ» 11 января 1937 // АКНЦ, ф. 1, оп. 3, д. 221.

Постановление СНК КФСР «О должностных окладах для научного, научно-технического и библиотечного персонала КНИИК» 20 июля 1940 // АКНЦ, ф. 1, оп. 3, д. 279.

Отчет о деятельности КНИИ за 1931 год // АКНЦ, ф. 1, оп. 3, д. 5.

Отчет о работе КНИИ за 1935 год // АКНЦ, ф. 1, оп. 3, д. 141.

Протокол заседания Правительственной юбилейной комиссии по проведению 100-летнего юбилея Калевалы // АКНЦ, ф. 1, оп. 3, д. 175.

Протоколы заседаний исторической группы КНИИК за 1937 год // АКНЦ, ф. 1, оп. 3, д. 224.

Протокол заседания библиотечно-библиографической комиссии при Карельском областном бюро краеведения 25 марта 1933 // АКНЦ, ф. 1, оп. 3, д. 67.

Отчет Общества изучения Карелии за 1936 год // АКНЦ, ф. 1, оп. 3, д. 190.

Материалы совещания в КНИИК по диалектологии карельского языка 22 ноября 1939 // АКНЦ, ф. 1, оп. 38, д. 216.

Докладная записка В. И. Машезерского А. А. Жданову. 1939 // АКНЦ, ф. 1, оп. 3, д. 253.

Докладная записка В. И. Машезерского Г. Н. Курьянову. 1940 // АКНЦ, ф. 1, оп. 3, д. 252.

Рецензия старшего научного сотрудника Института языка и мышления АН СССР Х. Курэ на учебник Н. А. Анисимова Грамматика карельского языка // АКНЦ, ф. 1, оп. 38, д. 217.

Сведения о структуре и функциях КНИИ. 1932 // АКНЦ, ф. 1, оп. 1, д. 106.

Список сотрудников КНИИ. 1932 // АКНЦ, ф. 1, оп. 48, д. 2.

Сведения о научных работниках и специалистах КНИИ. 1936 // АКНЦ, ф. 1, оп. 3, д. 180.

Песни народов Карелии // АКНЦ, ф. 1, оп. 39, д. 68.

Статьи о суеверии, колдовстве, гадании, знахарстве в Карелии, подготовленные сотрудниками КНИИ // АКНЦ, ф. 1, оп. 32, д. 17.

Гюллинг Э. А. Доклад на Первой сессии КНИИ 13 апреля 1932 // АКНЦ, ф. 1, оп. 3, д. 32.

Виноградов Н. Н. Автобиография // АКНЦ, ф. 1, оп. 26, д. 30.

Анисимов Н. А. Автобиография // АКНЦ, ф. 2, оп. 35, д. 67.

Астахова А. М. Письмо С. А. Макарьеву 26 июля 1933 // АКНЦ, ф. 1, оп. 3, д. 64.

Горбков А. И. Письмо В. И. Машезерскому. 1938 // АКНЦ, ф. 1, оп. 48, д. 23.

Мюллер Р. Б. Письмо В. И. Машезерскому 14 декабря 1938 // АКНЦ, ф. 1, оп. 48, л. 29.

Нечаев А. И. Письмо В. И. Машезерскому. 1939 // АКНЦ, ф. 1, оп. 48, д. 23, л. 82.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Филимончик Светлана Николаевна

доц. кафедры отечественной истории (послереволюционный период), к. и. н.

Петрозаводский государственный университет
пр. Ленина, 33, Петрозаводск, Республика Карелия, Россия,
185910

e-mail: syrsa@yandex.ru

тел.: (8142) 711020

Filimontchik, Svetlana

Petrozavodsk State University
33 Lenin Av., 185910 Petrozavodsk, Karelia, Russia
e-mail: syrsa@yandex.ru
tel.: (8142) 711020